

Сов. кино, 1965, 23 л. в.

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Медленно движется поезд — «Самый медленный поезд». Среди многих героев фильма есть и она — артистка!

Эстрадное платье — на гвоздь, чтобы не мялось, найдено удобное место аккордеону, несколько ироническими замечаниями поставлены на свои места случайные попутчики. Все в порядке, образ готов — бравая фронтовая певица.

«Зачем Ляля согласилась играть это? Ни глубины, ни движения образа, как-то все поверхностно», — досадую я про себя, — и вдруг!..

Ей преподносят несколько трогательных подснежников, и перед нами происходит нечто неожиданное, необыкновенное, перед нами — трепетная душа человеческая.

Принимая цветы, Людмила Шагалова — это она играет в фильме актрису — произносит слова: «Спасибо! Это лучший букет в моей жизни». Пауза. Крупный план. Стремительно летят кинематографические секунды. Заблестели глаза от набежавших слез, в них грусть (в начале фильма ею брошена

фраза: «Знаменитая. В своей квартире»). Мелькнула боль, чуть-чуть (что это? Плач по неудавшейся артистической судьбе?). Еле уловимое движение глаз, в уголках губ — и лицо изменилось: оно озарено ярким светом, какое-то новое выражение у него — радость? Взгляд напряжен, как будто она во что-то вглядывается. Может быть, она видит лес, костер, себя — она в эстрадном платье под собственный аккомпанемент аккордеона поет бойцам о землянке, огоньке, черных глазах, конец песни — и гром аплодисментов обрушивается на нее. Какое чудесное воспоминание... Что-то чуть дрогнуло в лице от смущения, от испуга, что все увидели ее торжество. И как бы оправдывая свою радость, она заключает целую гамму чувств и состояний словами: «Правда, их было не так уж много».

Вот сколько может рассказать Людмила Шагалова, на сколько секунд завладевает экраном. Крупный план — могучее, выразительное средство в кино. И я беру на себя смелость сказать, что мастерство владеть крупным планом у Л. Шагаловой огромно и совершенно.

Находясь долгое время рядом с Шагаловой — мы вместе сни-

мались в фильме «Женитьба Бальзаминова», — я видела, как кропотливо и вдумчиво работала она над своей двадцать первой ролью. Однажды, войдя в гримерную, я увидела в зеркале «недогримированную» Шагалову. Она сидела вся как-то нахохлившись, поджав губы, чуть-чуть искося, исподлбоя

взглядывая на меня. Я даже остановилась — чем это она так обижена или расстроена? Глаза потухшие, скучные и какие-то очень уж постаревшие. Мне стало немного грустно, и я пошла из комнаты. Уже на пороге, взглянув в зеркало, я вдруг увидела лукавый, блестящий, страшно заинтересованный взгляд — наши глаза встретились, и от неожиданности я расхохоталась, показала ей большой палец: «вот так сыграла!».

И это «вживание» в образ, приготовление происходило каждый раз, перед каждой съемкой. Огромная воля, сосредоточенность у нее: ни на минуту не отвлечется 8—10—12 часов подряд.

Сыграть старуху не в одном статичном кадре, а на протяжении всего фильма, в непрерыв-

ном движении образа, — очень трудная задача. Тонкое чутье актрисы помогает Шагаловой быть органичной в очень смешных, почти эксцентричных ситуациях. По крупнице собирает она все, что тонко потом впитывается в психологический рисунок роли.

В сценарии написано: проход — Бальзаминовой с сыном, без слов. А в пьесе Островского Бальзаминова в это время обучает сына французским словам.

И вот Шагалова убеждает режиссера К. Воинова вернуть ей эту деталь. И простой информационный проход (идут свататься) заискрился чудесными тонкими красками.

Бальзаминова «обучает» сына с неподдельной детской искренностью, одновременно огорчаясь его произношением и приходя в азарт, когда она сама произносит разные французские словечки. И перед нами возникает прелукавейшая старушенция Бальзаминова. А уж плача Бальзаминовой, ее старых, каких-то вылинявших, жалких глаз никогда не забудет зритель.

Я была свидетелем реакции зрительного зала. Вот последние кадры фильма, в последнем испуге заматались глаза Бальзаминовой. Вспыхнул свет, и навстречу зрительному залу поднялась элегантная женщина вся из голубых, розовых и золотистых тонов с блестящими, лучистыми и молодыми глазами. Это было чудесное перевоплощение. Награда — гром аплодисментов. Современная техника грима может «состарить» лицо, но как справиться с глазами?

О чудесных «шагаловских» глазах писалось в многочислен-

ных рецензиях, посвященных спектаклю «Три солдата», поставленному на сцене бывшего Театра-студии киноактера в 1948 году. Ее первое серьезное (еще девочкой она снималась в кино у режиссера Протазанова) появление на экране в роли Вали Борц в фильме «Молодая гвардия» было отмечено Государственной премией.

Среди ролей, сыгранных Людмилой Александровной Шагаловой, — девочка-пастушок Дуся («Ровесник века»), маленькая дочка Людмила Иркутова («Дело № 306»), журналистка Наташа («В поисках адресата»), детский врач, жена летчика-испытателя («Цель его жизни»), лаборантка Настя («Они спустились с гор»), ученая-ботаник Нина Платоновна («Не имей 100 рублей») и др. Игра Шагаловой, я бы сказала, радостная и дерзкая, всегда отмечена новизной и свежестью. Можно смело говорить об удачном слиянии таланта, мастерства, жизненного опыта, тонкого чутья и огромного трудолюбия.

Пожелать Людмиле Шагаловой хочется ролей побольше, разных, а нам — встреч с нею почаще.

Т. КОНЮХОВА,
заслуженная артистка РСФСР.